

DOI 10.32726/2411-3417-2023-3-56-70

УДК 94; 929

АЛЕКСЕЙ ХОТЕЕВ

«Консерватор с либеральным оттенком». Публицистическая деятельность А.В. Жиркевича

Аннотация. «Война идентичностей» на постсоветском пространстве делает особенно актуальной проблему становления и развития национальной принадлежности. В российской истории конца XIX — начала XX в. конфликты идентичностей давали о себе знать на периферии, в частности — на территории современных Белоруссии и Литвы. Отражением и примером продолжавшейся там русско-польской культурной борьбы является анализируемая в статье публицистика представителя Серебряного века, виленского юриста и литератора Александра Владимировича Жиркевича (1857–1927). Особое внимание уделено его воспоминаниям и актуально-тематическим работам, для которых характерны биографичность, опора на свидетельства документов и частной переписки. А.В. Жиркевич был ярким представителем «русской Вильны», поборником русского культурного единства в Белоруссии и Литве (эти названия тогда употреблялись не в государственном, а в региональном значении), консерватором с убеждениями русского патриота, который вместе с тем придерживался принципа сберечь все ценное в культурном наследии истории, включая предметы польской культуры.

Ключевые слова: русский консерватизм, историческая публицистика, русско-польская культурная борьба, Жиркевич, Виленская библиотека.

Конфликтные социально-политические процессы на постсоветском пространстве закономерно рассматриваются как «война идентичностей». В таком контексте проблема становления и развития национальной принадлежности приобретает особую актуальность, ведь каждый новый день, как говорили в античности, есть ученик предыдущего. В российской истории конца XIX — начала XX в. конфликты идентичностей давали о себе знать на периферии, то есть там, где носители русской культуры оказывались по соседству с иной культурно-языковой средой. В частности — в губерниях на территории современных Литвы и Беларуси, где в значительной степени сохранялось влияние польской культуры и соответствующей идентичности. Вильна в этот период была не просто административным центром шести губерний Северо-Западного края, но настоящим форпостом затянувшейся русско-польской политической, социально-экономической и культурной борьбы. Своеобразным полем культурной борьбы стала публицистика — зеркало новейшей эпохи.

Сведения об авторе: Хотеев Алексей Сергеевич — старший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси (Минск), кандидат исторических наук, alexhoteev2015@gmail.com.

Различные аспекты этой борьбы уместно рассмотреть на примере отдельных личностей, которые несли в себе все напряжение длившегося противостояния. При этом нередко оказывается, что суждения человека из прошлого на удивление созвучны современным мыслям и чувствам.

Имя Александра Владимировича Жиркевича (1857–1927), уроженца г. Люцин Витебской губернии (совр. Лудза, Латвия), военного юриста, увлеченного коллекционера, поэта и публициста, по справедливости должно быть упомянуто среди выдающихся представителей «русской Вильны». Различные аспекты его многосторонней общественной деятельности в последнее время приобрели известность благодаря публикациям его внучки, Н.Г. Жиркевич-Подлесских (род. 1932 г.), которая подготовила к печати дневники и некоторые письма из семейного архива [Жиркевич. Потревоженные тени... Настоящий друг... Из семейной хроники, вып. 1–2]. Благодаря этим изданиям биографические сведения об А.В. Жиркевиче отличаются достаточной полнотой.

Н.Г. Жиркевич-Подлесских уделяет большое внимание контактам своего деда со многими литераторами и деятелями искусства Серебряного века, что понятно, — ведь он сам очень дорожил своими связями. В письме известному библиографу С.А. Венгеру от 28 мая 1913 г. А.В. Жиркевич писал (приводится с сохранением орфографии автора): «Во всю мою жизнь мне удивительно везло на встречи с лучшими, благороднейшими, выдающимися людьми моей родины, меня любившими и удостоверившими меня не только знакомством, перепиской, но подчас и дружбой. Я пользовался любовью таких «чистых сердцем» людей, как сенатор И.М. Гедеонов, В.Н. Герард, И.П. Корнилов, сотни других деятелей России, у которых не достоин был развязать ремни обуви. Несколько раз жил я в «Ясной Поляне» у гр. Л.Н. Толстого, со мной переписывавшегося. Мои литературные труды, проза, стихи — встречали сочувственные отклики у Гончарова, Фета, Полонского, В. Крестовского, Апухтина, Феофанова, Плещеева, Э. Оржешко и др. славных корифеев нашей, современной мне, литературы, многочисленные письма которых у меня хранятся, как доказательство только что мною сказанного. Меня удостаивали своей перепиской такие государственные деятели, как фельдмаршал гр. Д.А. Милютин, ген. Драгомиров, П.А. Столыпин и многие другие. Мне жали руку М.Д. Скобелев, ген. — адъютант В.Н. Троицкий и сотни блестящих не по одной внешности, а по духовным достоинствам высших представителей военного ведомства, с некоторыми из них я переписывался. Знаменитые художники И.Е. Репин, В.В. Верещагин, Н.Е. Сверчков, И.К. Айвазовский, гравер Пожалостин и другие, живущие еще и сошедшие уже с жизненной арены, не только дарили меня дружбой, но и радовали меня своими подарками — произведениями. Родник моей веры питали, в то же время, со дней моего духовного расцвета, многие выдающиеся иерархи и представители нашей Православной Церкви» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1475. Л. 4–4 об.]. Из этого развернутого свидетельства видна широта как личных связей виленского юриста, так и его умственного кругозора.

Притом что сам А.В. Жиркевич в письмах и дневниках многое сделал по части представления своей биографии, следует признать, что его разносторонняя публицисти-

ческая деятельность еще ждет своего исследователя. То же можно сказать о его литературных трудах, о заслугах в военно-юридической сфере, о заботах по сохранению культурно-исторического наследия Белоруссии и Литвы. Цель настоящей статьи — выделить главные темы публицистики А.В. Жиркевича и связать их с его общественной деятельностью (особенно в качестве собирателя рукописей и артефактов), чтобы в общих чертах показать смысл и значение его трудов в контексте эпохи.

Публицистические труды А.В. Жиркевича выходили в печати в виде книг, брошюр, многочисленных журнальных и газетных статей. Что касается книг, то, по признанию автора, их было издано 12 — объемом до ста и более страниц. Для внутриведомственного пользования вышла также малым тиражом книга «Военно-тюремные заведения России и за границей» (Петербург: Главное Военно-Судебное Управление, 1904). Статьи А.В. Жиркевича печатались во многих столичных и провинциальных изданиях: «Вестнике Европы», «Русской старине», «Историческом вестнике», «Русском богатстве», «Неделе», «Всемирной иллюстрации», «Наблюдателе», «Виленском вестнике», «Смоленском вестнике», «Русском инвалиде», «Смоленской газете», «Западном вестнике», «Крестьянине», «Литовских епархиальных ведомостях», «Белорусском вестнике», «Виленском военном листке», «Русской музыкальной газете», «Новостях», «Белорусской жизни» и др. Некоторые статьи выходили затем отдельными изданиями [Там же, л. 6–8].

В настоящей статье рассмотрены наиболее значительные по объему публикации. Для прояснения взглядов автора и обстоятельств написания его трудов впервые привлечены фонды редакторов столичных историко-литературных журналов, хранящиеся в Российской национальной библиотеке и рукописном отделении Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома).

* * *

В качестве писателя-публициста А.В. Жиркевич показал, что он владеет «острым пером», является борцом за справедливость, критиком лицемерия и чиновничьего равнодушия. Однако его печатные выступления открывают в нем не обычного либерального обличителя «общественных пороков» и борца за абстрактные человеческие свободы, а поборника традиционных нравственных и государственных начал — долга, честности, сострадания, служения Отечеству, — то есть того, что было присуще русскому консерватизму. Сам А.В. Жиркевич в письме упомянутому С.А. Венгеру охарактеризовал себя так: «Я был всегда и останусь убежденным монархистом, консерватором с либеральным оттенком, врагом всяких революций, декадентства, атеизма, толстовщины и т. п. — уродливых явлений нашего сумбурного, мятущегося времени» [Там же, л. 5 об.].

Как развился у А.В. Жиркевича вкус к литературе и собиранию древностей? Следуя семейной традиции, он пошел по стопам отца (офицера артиллерии) и готовился с юности к военной карьере (закончил в Вильне реальное и юнкерское училища, затем в Петербурге — военно-юридическую академию). Однако в самом начале обуче-

ния Жиркевич показал успехи в языках, а к литературным занятиям пристрастился под влиянием виленского педагога С.В. Шолковича, преподававшего в гимназии русский язык [Настоящий друг... с. 47]. Интерес к художественным произведениям пробудился у юноши во время посещения в Вильне выставки передвижников [Там же, с. 48]. Важной чертой характера А.В. Жиркевича было сочувствие «русскому простонародному человеку», в частности солдату, появившееся еще в детстве в ходе знакомства с отцовским денщиком Корнеичем [Там же, с. 52]. Послужило этому и несение молодым военным караульной службы в виленской каторжной тюрьме. Беседы с заключенными, по его собственному признанию, развернули перед ним новый, неведомый прежде мир тяжких человеческих страданий, обострили присущее ему с детства чувство справедливости [Там же, с. 54–55].

«Насколько помню, — писал Жиркевич С.А. Венгеру, — первое печатное произведение в прозе, рассказ «Из воспоминаний охотника», появилось в майской книжке журнала «Природа и Охота» за 1881 г., когда я был уже офицером, и посвящено мною вышеупомянутому учителю С.В. Шолковичу, поощрявшему меня к литературным опытам» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1475. Л. 6]. Следует заметить, что сердечная признательность А.В. Жиркевича своему учителю выразилась и в материальных заботах о его осиротевших детях, особенно о дочери Вере, которой понадобилась операция [РО РНБ Ф. 377. Д. 702. Л. 1–26].

Со временем виленский офицер приступил к написанию биографических очерков, публиковавшихся в различных периодических изданиях. Одним из первых опытов такого рода стала его статья-некролог о виленском профессоре, историке и литераторе П.В. Кукольнике, вышедшая в «Русской старине» в 1886 г. [А. В. Ж.]. Авторство этой статьи, подписанной только инициалами, устанавливается по указанию самого А.В. Жиркевича в переписке с С.А. Венгером [РО ИРЛИ РАН. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1475. Л. 7]. Здесь уже вполне проявляются черты, которые будут отличать Жиркевича-публициста, — стремление точно передавать биографические факты, опора на сведения, полученные лично, внимание к нравственному облику описываемого лица.

В меньшей степени А.В. Жиркевич занимался изданием различных рукописей (мемуаров и писем) известных деятелей, с которыми ему довелось общаться. Первым опытом такого рода стала подготовка к печати в 1890 г. в «Русской старине» мемуаров деда — витебского губернатора И.С. Жиркевича [Жиркевич И.С.]. В 1892 г. в «Историческом вестнике» появились дополнения к напечатанным прежде мемуарам [Жиркевич. Из бумаг...]. С редактором этого журнала, С.Н. Шубинским, у виленского публициста установилась переписка, Жиркевич печатал там свои материалы без гонорара, с просьбой к редактору оформить ему только годовую подписку [РО РНБ Ф. 874. Оп. 1. Д. 57. Л. 218].

Естественно, что исполнение служебных обязанностей занимало у А.В. Жиркевича много времени. В 1888–1903 гг. он был защитником, а затем прокурором в Виленском военном округе, в 1903–1908 гг. служил в Смоленске, в 1908 г. был переведен воен-

ным судьей в Вильну, но в том же году вышел в отставку. На 1908–1912 гг. приходится период его наибольшей публицистической активности. Накануне своего возвращения в Вильну из Смоленска он писал редактору С.Н. Шубинскому: «Нервы мои разбиты, хотел бы уйти из нашего ведомства на какую-либо иную службу, которая давала бы мне возможность работать и литературно в свободное время. Хранитель музея, секретарь редакции и т. п. с содержанием в 2500 рублей в год меня (бы) удовлетворили (а судьей я буду получать 5000 р.!). Если бы у Вас окошко открылось, такое место, где можно работать, не беря нервов и совести, то вспомните меня и окажите содействие! Я сейчас готов бросить службу. Годы идут, много у меня начато, а перо из рук выпадает при службе военного юриста» [РО РНБ Ф. 874. Оп. 1. Д. 109. Л. 47 об. — 48 об.]. Как видно из этого признания, Жиркевич давно тяготился служебными обязанностями и готов был даже устроиться в редакцию «Исторического вестника», несмотря на более низкое жалованье, чем у военного судьи.

Возможность полностью предаться публицистической деятельности открылась после отставки. Бывший юрист всей душой отдался писательскому труду, раскрывая в своих статьях и очерках волнующие его темы.

Публикации А.В. Жиркевича можно условно поделить на биографические (воспоминания о других людях) и предметно-актуальные, в которых трактовался какой-либо важный социальный или политический вопрос. Статьи обоих видов сближает авторское стремление писать с опорой на личный опыт общения с тем или иным человеком, участия в том или ином деле.

Материалов первого рода автором издано больше всего — по всей видимости, он тяготел к биографическо-мемуарному жанру. В его распоряжении находился богатый личный архив, который служил пособием для написания статей-воспоминаний. Так, в одном из ранних своих опытов — некрологе о профессоре Петербургской военно-юридической академии С.А. Бершадском (известном специалисте по Литовским Статутам) — А.В. Жиркевич опубликовал два письма своего бывшего преподавателя и его фотокарточку [Жиркевич. Воспоминание о А.С. Бершадском]. То же он делал и в других биографических статьях. Между прочим, в материале о петербургском профессоре автор сообщал интересные сведения о неудачной попытке создать в Вильне в 1895 г. журнал историко-литературного профиля «Западно-русское обозрение» [Там же, с. 484].

В качестве писателя-мемуариста виленский публицист руководствовался следующими соображениями: «Прав был почтенный А.Ф. Кони (известный петербургский юрист, член Государственного совета. — А.Х.), говорящий о том, что нравственная обязанность нас, простых смертных, сталкивавшихся с крупной единицею общества, сообщить о ней потомству личные наши впечатления, сколь бы ни были они беглы, отрывочны, даже односторонни. И надо торопиться с подобными мемуарами, пока живы еще в памяти настроения минуты, краски, звуки... Сухие документы, официальные протоколы не удовлетворяют более современников: за ними редко видна душа человеческая

с достоинствами ее и недостатками. Только заметки очевидцев, набросанные притом на свежую память с целью сказать одну правду без боязни задеть родных и приятелей, одухотворяют формулярные списки, казенные некрологи, официальные бумаги» [Жиркевич. Архиепископ Иероним, с. 886].

Можно привести несколько примеров, как А.В. Жиркевич исполнял обозначенный принцип говорить только правду, изображая душевные черты исторических лиц с их достоинствами и недостатками. Так, в рассказе об архиепископе Литовском Иерониме (Экземплярском) (†1905) автор не ограничился одним лишь прославлением духовной особы, но отметил как положительные (доброту к иноверцам, доступность и обходительность со светскими лицами, простоту в общении), так и негативные черты (переменчивость настроения, зависимость от консисторских чиновников, уступчивость перед властью имущими, пренебрежительное отношение к рядовому духовенству) [Там же].

В статье-воспоминании о начальнике Виленского военного округа генерале А.В. Гурчине, который пробыл в этой должности всего один год перед своей смертью, Жиркевич решил поднять очень важную для Вильны конфессиональную проблему — ведь Гурчин был католиком [Жиркевич. Воспоминания об А.В. Гурчине]. Автор выполнял тогда обязанности секретаря местного отдела Красного Креста, а военный начальник округа был его председателем, поэтому между ними установилось непосредственное общение по долгу службы. Жиркевич свидетельствовал, что А.В. Гурчин приложил много усилий для того, чтобы иметь наилучшие отношения с православным архиепископом Литовским Ювеналием (Половцевым): приходил заранее на службы в государственные праздники в православный собор, за короткий период своего командования успел осмотреть многие полковые церкви и сделать распоряжения об их наилучшем устройстве. Во всем просматривалась тактичность генерала в конфессиональном вопросе — в отличие от архиепископа Ювеналия, который, несмотря на все приглашения командующего Виленским военным округом прийти на заседания комитета Красного Креста, отвечал ему неизменным отказом. Хотя имя покойного генерала не прозвучало на поминании ни в одном православном храме города, в католический собор пришли на его погребение представители православного духовенства. И этот пример показывает, что Жиркевич как публицист всегда стремился отдать долг справедливости почившему лицу.

Характерной чертой биографических очерков виленского писателя было изображение энтузиастов своего дела, «героев-одиночек», печатные воспоминания о которых служили своего рода венком на их могилу. Поэтому в очерках Жиркевича всегда присутствует грусть, боль сопереживания трудной и зачастую трагичной борьбе его героев.

В качестве образца такого жизнеописания можно назвать биографический очерк о смоленском краеведе И.И. Орловском (1869–1909), с которым у Жиркевича сложилась настоящая дружба [Жиркевич. Ив. Ив. Орловский]. Книга была написана сразу после кончины Орловского, по свежим воспоминаниям и впечатлениям. В распоряжении автора была не только их переписка, но и личный архив покойного, а также статьи смо-

ленской прессы. В присущей для себя манере Жиркевич снабдил очерк отступлениями личного плана и собственными размышлениями. Вот некоторые из них, представляющие особенный интерес для характеристики автора.

«Из истории мы знаем, что знаменитых, выдающихся смолян, дворян, не только в далеком прошлом, но даже на нашей памяти, были сотни. Они прославили имя «смолянина» на всех поприщах службы, науки, литературы, искусства, общественной жизни, и в самом Смоленске, и по всей России... Портреты их, вещи, им принадлежащие, частные их архивы, свидетельствующие об их подвигах, валяются, гниют по чердакам и кладовым Смоленской губернии, растаскиваются случайными любителями редкостей, вывозятся из Смоленска заезжими сюда антикварами-евреями». «Я говорю о Смоленске, о моем родном городе, под стенами которого предки мои проливали свою кровь (далекие предки Жиркевича перебрались на службу к московскому царю под Смоленск из Речи Посполитой. — А. Х.), где все — о прошлом — указывает на единодушие, геройство, прямоту, определенность мировоззрения, на любовь к своим древностям, к своим могилам, святыням!! И мне тяжело, что ничего этого теперь нет...». «Мне скажут, что жители Смоленска и теперь еще крепки в вере, что они любят свою Родину... Но «вера без дел мертва есть», а любить Родину платонически, отвлеченно, без проведения этой любви в жизнь, на мой взгляд, значит, в сущности, предаваться позорной, праздной маниловщине» [Там же, с. 118–120].

В этих словах выражается свойственный автору патриотизм, причем патриотизм консервативного толка, направленный на сохранение мировоззренческих основ русской провинции. Вся жизнь И.И. Орловского представлена Жиркевичем как борьба не просто за музеефикацию прошлого, но как забота о его популяризации, о воспитании на лучших примерах истории.

В своем очерке не скрывал Жиркевич и «неудобных» для чествования памяти смоленского краеведа мыслей. Например: «Со многими политическими взглядами Ивана Ивановича, изложенными в настоящем труде моем, я не согласен, в том числе и с его взглядом на еврейство, на исключительную (негативную. — А.Х.) роль его в жизни Смоленска за последние годы. [...] Тем не менее, без комментариев привожу я все, что думал, чувствовал и исповедовал покойный, не беря на себя роль судьи его» [Там же, с. 154]. Здесь очевидно выступает стремление автора к объективности.

В характерной для себя манере А.В. Жиркевич переключается в рассказе об Орловском на свои собственные усилия по сохранению смоленских древностей в инициированном им разбирательстве о судьбе погибающего от вопиющего попустительства местного епископа Петра (Другова) церковно-археологического музея [Там же, с. 170–171].

Самым значительным по объему биографическим очерком виленского публициста стали два тома жизнеописания католического каноника Фердинанда Сенчиковского (1837–1907) [Жиркевич. Из-за русского языка]. Во введении автор обозначил свою

цель — рассказать об этом «мученике Белоруссии», чтобы обелить его память в глазах потомства [Там же, ч. 1, с. V–VI]. Сенчиковский родился в униатской семье, но его отец перешел в латинский обряд, а мать вернулась в православие. В юности его учителем был М.О. Коялович, тогда семинарист, в будущем известный церковный историк. Сенчиковский неожиданно для своей семьи избрал духовную карьеру и поступил в Минско-Могилевскую католическую семинарию, стал священником. В этом качестве, впечатленный событиями польского восстания 1863–1864 гг. в Белоруссии и Литве, он начал упорную деятельность по «располячению костела», то есть переводу католического богослужения и проповеди на русский язык. Эта инициатива, поддержанная несколькими десятками других католических священников, в значительной степени опиралась на помощь со стороны русской администрации, но при этом встречала сильнейшее сопротивление массы католического духовенства и многих прихожан. После двадцати с лишним лет напряженной борьбы, наполненной тайными интригами и явным противодействием, каноник Сенчиковский вынужден был покинуть родную Белоруссию и жил сначала в Ташкенте, а затем в Омске, лишенный своей духовной властью права совершать службы. Объемный труд Жиркевича (две части, почти 700 страниц каждая) представляет собой не столько исследовательскую работу, сколько свод и издание материалов (писем и документов), иллюстрирующих этапы жизни Сенчиковского. В значительной степени основой для очерка послужили архив и комментарии самого католического священника.

«Изучив жизнь Сенчиковского, — писал А.В. Жиркевич, — читатель не забудет, что Белоруссия — та же Россия, что никогда не представляла она из себя чего-то особого, что ни о каком сепаратизме ее не может быть и речи, что счастье ее немыслимо вне слияния самого тесного, идейного, духовного, административного и проч. с Великороссией; что русский народ, русский язык, русский дух имеют здесь все права природных элементов жизни народной, исторической давности, а польско-иезуитская пропаганда — чужеземец, по вековому лишь недоразумению завладевший — хитростью, обманом, насилем, благодаря темноте населения, — душой, сердцем забитого, обезличенного вековым рабством белоруса...» [Там же, ч. 1, с. XVI]. В этих словах Жиркевича, белорусского уроженца, раскрывается его взгляд на этнокультурное единство русского народа.

Не вдаваясь в специальное рассмотрение этого труда с историографической точки зрения, заметим, что автор привлекает большое количество исторических источников о деятельности не только о. Фердинанда Сенчиковского, но и десятков других лиц, вовлеченных в сложное дело «располячения костела», — чиновников столичного и губернского уровня, духовных лиц католического исповедания, католических прихожан и даже православных священнослужителей. Объективное рассмотрение всех перипетий развернувшейся здесь личной и общественной драмы привлечет еще не одного исследователя, но можно с уверенностью сказать, что книга А.В. Жиркевича останется при этом незаменимым пособием.

Биография Сенчиковского подводит к трудам виленского юриста-писателя, которые специально трактуют проблему «обрусения» Северо-Западного края. Среди них осо-

бенной содержательностью и эмоциональностью отличаются статьи «Свежо предание, а верится с трудом» и «Сонное царство великих начинаний», посвященные главным образом просветительской деятельности Виленской публичной библиотеки и ее музея [Жиркевич. Свежо предание... Он же. Сонное царство...].

В первой статье обращают на себя внимание характерные высказывания автора об увлечении историей. «Надо действительно быть археологом¹, писателем, ученым в душе, по рождению, по крови, чтобы проникнуться уважением к тому, что для толпы простых смертных — лишь сор, хлам, ненужная дрянь, которая только осложняет жизнь, вызывая неприятности, охрану, описи, справки...», — пишет А.В. Жиркевич. В другом месте, описывая свое волнение при виде найденных документов, он обращается к тому, «кто не раз дрожал нервной дрожью, понятной археологу, от волнения и восторга над каким-нибудь черепком или куском полуистлевшего пергамента, бросающими луч в темное прошлое, для которого мертвый предмет получал значение дорогого, живого существа, говорящего о жизни прежних поколений» [Жиркевич. Свежо предание... с. 36, 38]. Виленский собиратель древностей отмечает, что он был инициатором создания в Вильне при публичной библиотеке музея в честь генерал-губернатора М.Н. Муравьева, был включен в состав комиссии по устройству этого музея, и рассказывает, как ему довелось с письменного одобрения виленского генерал-губернатора В.Н. Троицкого заниматься обследованием архивных собраний различных уездных учреждений для выявления бумаг, имеющих значение для эпохи 1860-х годов. С чувством сильнейшего возмущения повествует Жиркевич о чиновничьем пренебрежении к ценнейшим историческим документам: они лежали без описей и всякой системы, тюками сдавались как макулатура в руки торговцев-евреев, которые пускали бумаги на обертку товаров; судебные дела со свидетельскими показаниями шли на растопку печей или просто валялись как ненужный хлам по сараям и конюшням. Не стесняя себя скромным умалением своих заслуг, виленский коллекционер сообщает, как он спас массу документов. Безусловно, эти важные признания имеют значение для истории белорусской и российской архивистики, в которую имя автора должно быть заслуженно вписано.

А.В. Жиркевич стремится увлечь своим примером других энтузиастов: «Итак, дорогие собратья по одной и той же профессии, любители-археологи, бодро, с верою в будущее, примемся усиленно за работу!.. Если станут гибнуть на глазах наших правительственные и частные архивы, поспешим спасти их во имя исторической справедливости и науки!.. Станем, наконец, всеми силами предупреждать самую возможность такой гибели, смело, бесстрашно стучась с нашим протестом, заявлениями и разоблачениями в двери тех, от кого зависит судьба того или иного древнего бумагохранилища!.. Поверьте, всегда найдутся добрые, честные люди, которые вас поддержат. Не забывайте также старинного правила, продиктованного опытом, по которому в деле археологии нельзя откладывать на «завтра» того, что можно сделать сегодня» [Там же, с. 43].

1 В отличие от современного понимания, археология в XIX — начале XX в. трактовалась шире, как соби́рание любых памятников старины.

Во второй статье А.В. Жиркевич сопоставляет замысел создания Виленской публичной библиотеки при попечителе Виленского учебного округа И.П. Корнилове и его реализацию по состоянию на начало XX в. Размышления и критические замечания автора (не вполне приведенные в систему и похожие на дневниковые записи) представляют интерес не только для изучения истории этого просветительского учреждения, но и для понимания настроений внутри русского общества Вильны. По замыслу И.П. Корнилова, библиотека должна была стать культурным центром всего Виленского учебного округа, заменяющим университет, здесь должны были концентрироваться ученые силы, собираться книги, имеющие значение для «русской» истории края, и на основе их изучения вестись издательская деятельность, популяризирующая местную историю. На библиотеку возлагалась важная просветительская миссия — представлять русскую культуру. В частности, Жиркевич приводит следующие слова попечителя: «Мы, русские чиновники Западного края, прежде всего — русские люди; много в нас недостатков, но нет измены; мы за одно с Государем, который так же, как и мы, служит Отечеству. С польской или бюрократической, дисциплинарно-казенной точки зрения чиновник есть наемник; но с национальной точки зрения мы прежде всего русские, честные, верные агенты русского правительства» [Жиркевич. Сонное царство... с. 11]. Комментируя в другом месте взгляды виленского попечителя, автор замечал, что тот действовал «исходя из того разумного, патриотического взгляда, что каждый русский человек на окраинах, честно служащий своему Государю и родине, тем самым уже служит и делу обще-государственной политики» [Там же, с. 118]. Чиновники, частью помещики, купцы, немногочисленная интеллигенция (преподаватели учебных заведений) и местное православное духовенство — вот то русское общество, которое численно и по материально-экономической силе составляло меньшинство в белорусско-литовских губерниях, где господствовало землевладение лиц «польского происхождения», а ремесло и торговля находились в руках евреев. В такой среде русские люди растворялись, приспособлялись к польскому культурному доминированию. С учетом этого обстоятельства библиотека и другие просветительские государственные учреждения должны были поддерживать у русских людей их национальное чувство. «Ужас же, трагизм русского дела в С.-З. крае в том и заключается, — цитирует Жиркевич И.П. Корнилова, — что тут надо приобщать, чуть не насильно, к русской культуре своего, русского человека, упорно разъяснять ему связь его с остальной Россией путем русской книги!.. Оставьте поэтому инородцев, иноверцев! Займитесь только русскими... Иноверцы, инородцы сами, без ваших зазываний, затаскиваний в библиотеку, приобщатся русской культуре тогда, когда последняя усилиями окраинных русских людей будет поставлена на подобающую ей высоту, выше культуры польской и еврейской» [Там же, с. 64].

Обозначив таким образом цель создания Виленской публичной библиотеки, А.В. Жиркевич приступает к рассмотрению ее современного состояния и приходит к выводу, что она в лице своих сотрудников не выполняет своего предназначения. Читатели выбирают в ней легкую беллетристику для развлечения, фонды библиотеки переполнены церковными схоластическими книгами на польском и латинском языках, еврейской богословской литературой. Ученые сотрудники библиотечной комиссии печатают малозначащие статьи, создают вид деятельности, формально относятся к сво-

им обязанностям. Особенно достается от Жиркевича члену библиотечной комиссии и заведующему музеем А.И. Миловидову, в отчетах которого автор находит ошибки, формализм и преувеличение собственных заслуг. На фоне растущих в Вильне польских частных музеев, устроенных по системе и на духовном подъеме, пишет Жиркевич, «наш захудалый музей при Виленской публичной библиотеке кажется какой-то насмешкой над наукой, историей и здравым смыслом» [Там же, с. 71].

Здесь необходимо остановиться на двух моментах субъективного характера. Во-первых, А.В. Жиркевич не был сторонником уничтожения польской культуры как феномена истории края, ему были чужды запретительные меры, разрушение памятников т.п... Например, он добился восстановления в церкви надгробной плиты родственника своей жены Снитко в прежнем виде — с надписями на польском, а не на русском языке («я стою не за польский язык, а за восстановление того, что уже десятки лет существовало ранее») [Жиркевич. Архиепископ Иероним, с. 898–907]. Жиркевич не одобрял переделку главного зала (Aula) виленской библиотеки под русский стиль, предлагал вернуть из Москвы предметы польской старины бывшего Археологического музея¹ «во имя исторической правды» [Жиркевич. Сонное царство... с. 51]. Он хотел действовать убеждением, качеством научной аргументации (правда, ожидал ее от других, собирая только материалы для ученой работы). Жиркевич решительно поддерживал установку в Вильне памятника генерал-губернатору М.Н. Муравьеву и хотел видеть на самых видных местах библиотеки и музея личные вещи выдающихся деятелей русского государства и культуры. Произведения русских классиков должны были заслонить собой книги с полками польских авторов. Он писал: «Изобразите и здесь, в Музее при Вил. Пуб. Библиотеке, голую правду последнего восстания, сгруппируйте умело портреты, могилы русско-православных мучеников, — священников, нижних чинов, жандармов, полицейских — изменнически, часто из-за угла, убитых лишь потому, что они честно служили долгу присяги и своему Государю, разверните картину победоносных действий наших войск, представьте затем гр. М.Н. Муравьева в истинном ореоле его административной, подвижнической деятельности на благо местного населения, особенно крестьян, в том числе и поляков, подчеркните все это рядом портретов сотрудников гр. Муравьева в этой государственно-созидательной работе — и вы увлечете всякого посетителя Музея широтой, мощью, одухотворенностью русской программы реформ, подрывающих значение «Польши» и служивших к упрочению русского элемента в крае... И простому посетителю Музея из народа, кажется, не придется колебаться при разрешении вопроса, чья культура выше, чище, благороднее, обоснованнее — русская или польская, кто сделал для населения С.-З. края больше — русские или поляки» [Там же, с. 185–186].

Во-вторых, следует прояснить резко-негативное отношение А.В. Жиркевича к сотруднику библиотеки А.И. Миловидову, который также принадлежал к числу активных

1 В 1855–1865 гг. в Вильне действовал Археологический музей, коллекция которого была сформирована и частично перевезена в Москву, поскольку представляла западные губернии преимущественно как польский край.

публицистов, представителей «западнорусской» историографической школы. Миловидов был уроженцем Тульской губернии, выпускником Московской духовной академии, где занимался под руководством В.О. Ключевского. В Западный край он попал по направлению в качестве преподавателя Пинского духовного училища, затем был переведен в Вильну в Литовскую семинарию и включился в краеведческую и библиотечную работу. Он вполне обладал качествами исследователя, был увлечен личностью М.Н. Муравьева и публиковал много архивных материалов в журнальной провинциальной и столичной периодике [Хотеев]. Однако между двумя деятелями русской Вильны отношения явно не заладились, причем негатив исходил именно от Жиркевича. Причина угадывается в личной обиде. Дело в том, что идея создания музея при Виленской публичной библиотеке была впервые озвучена Жиркевичем, он первым подал соответствующий проект виленскому генерал-губернатору В.Н. Троцкому, но служебные обязанности и командировки отвлекли его от дальнейшего продвижения этого дела. А через некоторое время он узнал, что аналогичный проект подал другой, кому и было поручено руководить музеем [Жиркевич. Свежо предание... с. 10–11]. Этим человеком и был А.И. Миловидов, назначенный 27 сентября 1902 г. хранителем Музея древностей при Виленской публичной библиотеке. По всей видимости, А.В. Жиркевич испытал тогда сильную обиду и с ревностью стал следить за своим соперником. Так, в 1908 г. вышла анонимная брошюра с резким отзывом на труд Миловидова «Старопечатные славяно-русские издания, вышедшие из западнорусских типографий XVI–XVIII вв.» [Жиркевич. Новый «ученый» труд...]. В переписке с редактором «Исторического вестника» С.Н. Шубинским Жиркевич назвал себя автором этой рецензии [РО РНБ Ф. 874. Оп. 1. Д. 57. Л. 47]. В целом замечания его следует признать справедливыми, но едкий тон выдает предвзятое отношение. В письмах военному историку К.А. Военскому Жиркевич вполне не дает волю своим обидам, называя Миловидова «карьеристом, мерзавцем, безголовым и неграмотным семинаром» [РО РНБ Ф. 152. Оп. 4. Д. 16. Л. 2; РО РНБ Ф. 152 Оп. 2. Д. 330. Л. 7]. В одном письме он признавался: «Питаю отвращение к Остроумову, Довгялло, Миловидову, Добрянскому и Ко» [РО РНБ Ф. 152. Оп. 2. Д. 330. Л. 9 об.]. В 1913 г. Жиркевич снова обрушился с критикой на печатные труды Миловидова: пустая трата казенных денег, пережевывание одних и тех же второстепенных эпизодов, издаются ненужные польские прокламации («революционная чернь и муть польского народа»), недостает сведений о русских деятелях в указателях [РО РНБ Ф. 152. Оп. 4. Д. 16. Л. 1–2]. У Жиркевича вообще были свои взгляды на издание документов о польском восстании 1863–1864 гг. в Литве и Белоруссии, и понятна его ревность к Миловидову, который печатал их по другой программе. На словах виленский отставной судья однажды выразил желание подойти и пообщаться со своим конкурентом в доброжелательной манере [Жиркевич. Сонное царство... с. 166], однако этого, видимо, не произошло. К чести Миловидова надо сказать, что он не отвечал Жиркевичу горькими словами ни в печати, ни в частной переписке, которую автору данной статьи довелось изучать в библиотеке Вильнюсского университета и редакционных материалах «Исторического вестника», куда Миловидов также присылал свои тексты.

Конечно, особое отношение А.В. Жиркевича к деятельности сотрудников Виленской публичной библиотеки можно понять. Он был активным собирателем древностей Се-

веро-Западного края и признавался: «При конкуренции польских учреждений и других лиц Вильны я собрал... так много предметов старины, что их хватило для оснований мною в Вильне — Муравьевского музея, музея Виленского военного собрания, для значительного пополнения коллекции Публичной библиотеки. Кроме того, многое пожертвовал я в Академию Наук, в Санкт-Петербургскую Публичную библиотеку и в другие учреждения России [...] Вернувшись в Вильну в 1908 г., я снова принялся за собирание старины и к настоящему времени имею у себя уже новую коллекцию портретов, рисунков, рукописей и документов, из которых многие прямо бесценны для С.-З. края... Конечно, я их в нашу библиотеку не отдам, пока порядки, в ней существующие, будут продолжаться» [Там же, с. 194]. «Небольшая квартира моя в Вильне, — писал А.В. Жиркевич в 1913 г. С.А. Венгеру, — представляет из себя картинную галерею и музей» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1475. Л. 5 об.].

Так отставной судья продолжал жить до лета 1915 г., пока наступление кайзеровских войск не вынудило его оставить большую часть вещей в Вильне и перебраться в Симбирск. Последующие годы не способствовали продолжению литературных занятий А.В. Жиркевича. Он пытался заниматься преподаванием, устроился архивариусом, вел лекции ликбеза. В Вильну к остаткам своего собрания Жиркевич вернулся только в 1926 г., за год до кончины.

О ценности собранной им коллекции документов только отчасти свидетельствует примерный перечень материалов, предложенный дочерью покойного для покупки в библиотеку Академии наук СССР 15 июня 1926 г. Здесь упоминаются бумаги виленского художника В.В. Грязнова, виленского архитектора Н.М. Чагина, редактора «Виленского вестника» С.А. Поля, виленского губернатора И.В. Галлера, редактора «Литовских епархиальных ведомостей», протоиерея Иоанна Котовича, архимандрита Супрасльского монастыря Долмата, епископа Брестского Игнатия (Железовского), каноника Фердинанда Сенчиковского, смоленского краеведа И.И. Орловского и многие другие документы по истории Белорусско-Литовского края [РО РНБ Ф. 585. Д. 765. Л. 1–1 об.]. Эти материалы легли в основу публикаций А.В. Жиркевича. Статьи и очерки виленского писателя-коллекционера сохраняют в печатном виде многие ценные свидетельства о деятелях прошлого.

Подытожим этот краткий обзор публицистической деятельности А.В. Жиркевича.

1. Выявление и анализ его публикаций, а также частей его коллекции составляет актуальную источниковедческую задачу для исследователей из России и Беларуси. Если составление научной биографии Жиркевича в значительной степени облегчено сохранившимися дневниковыми и другими авторскими записями, то изучение его публицистики требует еще многих системных и скоординированных усилий ученых обеих стран.
2. Предварительно можно обозначить основное содержание статей и очерков виленского литератора-коллекционера. В материальном плане он собирал предметы, а как писатель — возлагал своими публикациями венки для чествования памяти заслуженных деятелей. Изобразить выдающихся лиц в словесном портрете

со всеми их достоинствами и недостатками, исправить неосновательные суждения о них современников и потомков, поставить их примером для подражания — все это входило в задачи А.В. Жиркевича.

3. А.В. Жиркевич отстаивал справедливость не только в судебной сфере, но и в области исторической памяти. На этом поприще он явился борцом за дело «обрушения» Северо-Западного края, приведенное в систему стараниями генерал-губернатора М.Н. Муравьева и попечителя И.П. Корнилова. Виленский литератор выступал здесь сторонником просветительских мер, способов мирного убеждения, которые должны были практиковаться в Виленской публичной библиотеке и музее при ней (впоследствии Муравьевском музее).
4. Представитель Серебряного века русской культуры, А.В. Жиркевич в своих публикациях открывается как консерватор с убеждениями патриота, сторонник сохранения культурных и государственных традиций русского народа. При этом, собирая памятники старины, он придерживался принципа сбергать все ценное, в том числе и чуждое русской культуре, — в частности, предметы польской культуры. В этом отношении местная история Белоруссии и Литвы для него была в определенной степени нераздельной, общей для проживающих здесь народов. Но при этом она оставалась борьбой русской и польской культур, что и нашло свое выражение в словесных и вещественных памятниках, которые надо было сохранять как свидетельства этого противостояния.
5. Особенностью его публицистики являются биографичность (рассказы из личного опыта), отсутствие строгой системы изложения, стремление к объективности, эмоциональность, доходящая до остроты и резкости суждений. Несмотря на некоторые проявления субъективности (критика А.И. Миловинова), свидетельства А.В. Жиркевича заслуживают высокой степени доверия. В них ярко выступают настроения и чаяния «русской Вильны» второй половины XIX — начала XX в.

Список литературы

- А. В. Ж. [Жиркевич А.В.] Павел Васильевич Кукольник // Русская старина. 1886. Т. 49. № 3. С. 642–644.
- Жиркевич А.В. Архиепископ Иероним (опыт характеристики) // Исторический вестник. 1908. Т. 113, № 9. С. 881–915.
- Жиркевич А.В. Воспоминание о А.С. Бершадском // Исторический вестник. 1897. Т. 68. № 5. С. 477–486.
- Жиркевич А.В. Воспоминания об А.В. Гурчине // Исторический вестник. 1904. Т. 98, № 11. С. 528–553.
- Жиркевич А.В. Ив. Ив. Орловский (Биографический очерк) // Смоленские мемории. Выпуск III: Сост. : Ю.А. Балбышкин, М.В. Иванов, Л.Л. Степченков. Смоленск. 2013. С. 23–242.
- Жиркевич А.В. Из бумаг генерала И.С. Жиркевича // Исторический вестник. 1892. Т. 48, № 4. С. 150–159.
- Жиркевич А.В. Из-за русского языка (Биография каноника Сенчиковского в двух частях). Вильна, 1911. Часть 1: В Белоруссии.

- Жиркевич А.В.* Из-за русского языка (Биография каноника Сенчиковского в двух частях). Вильна, 1911. Часть 2: В изгнании.
- Жиркевич А.В.* Потревоженные тени... Симбирский дневник. Сост., предисл. и примеч. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. М. 2007.
- [*Жиркевич А.В.*] Новый «ученый» труд по истории западно-русской книги (рецензия). Вильна. 1908.
- Жиркевич А.В.* Свежо предание, а верится с трудом. СПб. 1902.
- Жиркевич А.В.* Сонное царство великих начинаний. Вильна. 1911.
- Жиркевич И.С.* Записки // Русская старина. 1890. Т. 67, № 7. С. 63–132, № 8. С. 225–277, № 9. С. 667–706.
- Из семейной хроники... // Белорусская земля в воспоминаниях и документах. М., 2018. Вып. 1. С. 92–189.
- Из семейной хроники... // Белорусская земля в воспоминаниях и документах. М., 2019. Вып. 2. С. 102–153.
- Настоящий друг русских классиков. И. Репин, Л. Толстой, И. Айвазовский и другие современники в дневниках и письмах Александра Жиркевича. М. 2017.
- РО ИРЛИ РАН. Ф. 377. С.А. Венгерова. Оп. 7. Д. 1475. Жиркевич А.В. письма Венгеру С.А. 1913 г.
- РО РНБ Ф. 152 Военский К.А. Оп. 2. Д. 330. Жиркевич А.В. Письма Военскому. 1902–1913 гг.
- РО РНБ Ф. 152. Военский К.А. Оп. 4. Д. 16. Жиркевич А.В. статья «Научное пенкоснимательство». Декабрь 1913 г.
- РО РНБ Ф. 377. Корнилов И.П. Д. 702. Жиркевич А.В. письма И.П. Корнилову. 1894–1898 гг.
- РО РНБ Ф. 585. Архив С.Ф. Платонова. (без описи) Д. 765. Жиркевич Мария Александровна. Заявление директору Библиотеки АН СССР С.Ф. Платонову с просьбой приобрести для библиотеки часть архива А.В. Жиркевича. 15 июня 1926 г.
- РО РНБ Ф. 874. Шубинский С.Н. Оп. 1. Д. 57. Письмо Жиркевича Шубинскому. 1894 г.
- РО РНБ Ф. 874. Шубинский С.Н. Оп. 1. Д. 109. Л. 38–53. Письма Жиркевича Шубинскому. 1907 г.
- Хотеев А.С.* А.И. Миловидов — представитель западнорусской исторической школы начала XX века // Калужский сборник. Вып. 7. / Ред.: В.Я. Филимонов, Д.Э. Миронов. Калуга, 2015. С. 129–145.